

Александр Потапов

ПО КРАЮ ПРОПАСТИ

Александр Потапов

По краю пропасти

«У Никитских ворот»

2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Потапов А. В.

По краю пропасти / А. В. Потапов — «У Никитских ворот», 2019

ISBN 978-5-00095-805-6

В новом произведении московского писателя Александра Потапова действуют те же основные персонажи, что и в романе «Ошибка генерального конструктора», но на более длительном промежутке времени и на фоне широкого спектра исторических событий.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00095-805-6

© Потапов А. В., 2019
© У Никитских ворот, 2019

Содержание

Рождение физтеха	5
Почти смертельное ДТП	15
Член-корром можешь ты не быть	20
Маньяна	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Потапов

По краю пропасти

Рождение физтеха

Все знают, что физтех – это Московский физико-технический институт, выдающаяся кузница самых классных физических кадров нашей страны. Но параллельно с ним в Советском Союзе существовал и другой физтех, долгие годы известный только ограниченной категории людей, создававших самую знаменитую в мире ракетную технику.

1944 год. Город Днепрпетровск лежит в развалинах, но Сталин 21 июля 1944 года подписывает постановление Государственного комитета обороны о строительстве здесь с нуля крупнейшего в мире автотракторного завода, и в октябре 1944 года на окраине города на территории авиамоторного завода, заложенного ещё до войны, но не законченного, полным ходом разворачивается строительство Днепрпетровского автозавода (ДАЗ). Через три года собран первый опытный грузовик ДАЗ-150 «Украинец». Ещё через два года началась разработка принципиально нового плавающего грузового автомобиля военного назначения ДАЗ-485, два экземпляра которого были собраны в августе 1950 года. Их испытания начались на Днепре и продолжались до осени 1951 года по дорогам и водоёмам Крыма, Кавказа, Кубани и на северо-западе близ Выборга.

Завершилась Вторая мировая война – и в руки союзников попали немецкие ракеты ФАУ-1 и ФАУ-2, которые советским руководством были признаны перспективным вооружением, и для освоения этого направления было создано Конструкторское бюро во главе с Сергеем Павловичем Королёвым. Вскоре были разработаны и успешно испытаны ракеты Р-1, Р-2 и Р-5М, и встал вопрос об их срочном серийном производстве.

9 мая 1951 года было подписано правительственное постановление о перепрофилировании Днепрпетровского автозавода на серийное изготовление ракетной техники. В сентябре 1951 года всё автомобильное производство на ДАЗе было свёрнуто. К тому времени он успел выпустить около 2000 машин всех типов. Будущий «Южмаш» вначале имел только закрытое название «завод № 586», потом открытое «завод 186», но в просторечии ещё долгие годы все называли его «автозавод». Хотя, скорее всего, для прикрытия основного направления предприятия осталось производство колёсных тракторов с мощностью 60 тысяч штук в год.

Вскоре почти каждый день над городом со стороны нового завода, заглушая на две-три минуты все другие звуки, появлялся ужасающий рёв какого-то технического монстра. Никто не знал, чем на этом предприятии занимались, большинство считало, что атомом.

Освоение новой продукции на заводе шло на удивление быстро.

– И вот тут произошло самое интересное, – пишет в своих воспоминаниях будущий генеральный директор «Южмаша» Леонид Данилович Кучма. – Энтузиасты конструкторского отдела завода не удовлетворились отведённой им ролью и инициативно разработали и представили военному ведомству проект своей ракеты. Она выгодно отличалась от уже освоенных и выпускавшихся заводом моделей своими боевыми и конструктивными качествами. В 1954 году на территории завода было образовано самостоятельное Особое конструкторское бюро ОКБ-586. Оно стало постоянным партнёром и соратником «Южмаша» в развернувшемся мировом соперничестве за лидерство в области современных ракетно-ядерных вооружений. ОКБ возглавил выдающийся учёный и конструктор Михаил Кузьмич Янгель. Завод занимался одновременно и серийным выпуском ракетной продукции, и освоением новой, уже днепрпетровской ракеты Р-12.

В постановлении о перепрофилировании автозавода лично Сталиным было предусмотрено создание специального института по подготовке инженеров по ракетной технике. И 1 сентября 1952 года только что образованный физико-технический факультет Днепропетровского госуниверситета начал приём студентов сразу на все пять курсов, причём на старшие курсы набирали студентов переводом из других институтов. Так, на пятый курс больше всего студентов-физиков перевели из Казанского университета.

Первые два года студенты изучали общетехнические дисциплины, а начиная с третьего курса распределялись по трём направлениям: первое – корпусники, второе – двигателисты и третье – управленцы, обеспечивая таким образом всесторонний охват разработки и эксплуатации ракетных систем.

Ещё в старших классах школьники время от времени задумывались о своей послешкольной судьбе. Андрею Синегину, учившемуся в 79 средней школе города, почему-то хотелось поступить в летное училище. Первый раз он заговорил с родителями об этом в седьмом классе, но им удалось его отговорить.

Через год, после окончания восьмого класса, он снова вернулся к своему желанию. Родители всполошились и вызвали маминного брата дядю Яшу, который смог Андрея убедить, что лучше всё же окончить среднюю школу, а потом уже решать, что делать дальше.

Почему Андрея туда так тянуло, он не знал: с детства не мог качаться на качелях, плохо переносил автобус, а как-то даже в трамвае дяде Яше с большим трудом удалось «довезти» его от вокзала до дома. Когда началось укачивание, он отвлёк его игрой с пятаком на замороженном окне.

Тем не менее медицинские проверки Андрей всегда стойко переносил: когда его крутили на кресле, оно всегда останавливалось, как только тёплая душная волна уже начинала окутывать голову, через пару-тройку оборотов он мог свалиться. А после остановки Андрей вставал, протягивал вперёд руки и твёрдо проходил по половице, хотя врач, как правило, женщина, иногда подозрительно на него смотрела:

– Что это ты побледнел?

Но по большей части врачи смотрели не на него, а в свои записи, продолжая что-то туда дописывать.

Выпускники городских школ, определяясь со своей будущей профессией, прикладывали все усилия, чтобы узнать, чему же учат на физтехе. Одним из таких выпускников был Андрей Синегин. Закончивший на год раньше него их школу и поступивший на физтех его хороший приятель Станислав Ус на вопрос, кем он будет, только плечами пожимал:

– Да я ведь только первый курс заканчиваю, а распределение по специальностям у нас на третьем. Старшекурсники же молчат, как партизаны.

Но конкурс на новый факультет был в городе самым высоким. Конечно, большую роль играла весьма приличная стипендия, для большинства ребят из бедных семей это было немалым стимулом.

Синегин и сам подумывал о физтехе, но сомневался, примут ли его в совершенно закрытое заведение, поскольку во время войны он оставался с мамой на оккупированной территории. Позднее он узнал, что именно такая норма существовала и отменили её только в год его поступления.

Наверное, ему трудно было определиться со своим будущим потому, что у него не было явно выраженного исключительного интереса к чему-то одному: его равно интересовали математика, физика, литература, фотография, радиотехника и многое ещё. Правда, к десятому классу с одним он определился твёрдо – на филфак поступать не будет. По-видимому, Андрей подспудно понимал слабость своих школьных стихов, не был уверен в своём прогрессе в этом отношении и не решался строить своё будущее на столь шатком основании.

Неожиданно после окончания школы одноклассник Юра Бойко – Бойок, как все его называли – сагитировал Андрея поступать в высшее военно-инженерное училище им. Макарова, расположенное под Ленинградом.

Подали они документы в военкомат, пришли на медкомиссию. Больше всего Андрей боялся «крутилки». Сел в кресло. Сделав с десяток оборотов, кресло остановилось, когда поднявшаяся горячая душная волна уже готова была поглотить испытуемого. Андрей встал, вытянул руки, прошёл по половице. Всё. Испытание выдержал. Тихонько вышел в коридор, прислонился к стенке, пытаюсь справиться с головокружением.

Медкомиссия закончила работу. Всех собрали в кабинете у военкома, и тот начал зачитывать результаты. У кого всё благополучно – прийти через три дня за документами. У кого отрицательное заключение – зачитывает заключение – кому сразу отдаёт документы, кому предлагает лечь в больницу на дополнительное обследование. Им с Бойком предложил пройти дополнительное обследование. В военкомат надо прийти через два дня, за это время они должны договориться с больницей.

Через два дня оба явились, но независимо друг от друга и в разное время. Бойок взял направление и лёг в больницу, а Андрей пришёл, когда военкома не было. Его долго ждали, а потом пришёл кто-то другой. Взял документы и каждого спрашивает, что ему предписано. Тому, кто ждал направление на обследование, велел ждать военкома, потому что направлений в документах не было. Когда дошла очередь до Андрея, он сказал, что не прошёл комиссию и ждёт документы, и тот вернул ему его документы. Получилось почти как у Павки Корчагина.

После того, как при попытке поступить в военное училище его забрала медкомиссия, Андрей отнёс документы на физтех – и их у него взяли. Сказали, что, поскольку он золотой медалист, будет только собеседование, но когда – неизвестно. Андрей долго ждал, когда же будет собеседование, и, не дождавшись, уехал в деревню. Приехал к сентябрю и обнаружил себя в списках принятых.

Начало учёбы было необычным. Им прочитали всего одну или две лекции и тут же объявили, что завтра все в полном составе едут в колхоз. Повезли их в кузовах грузовиков. По дороге в колхоз Андрей понял, насколько пуританским было их воспитание в школе. Дорога предстояла довольно длинная, и, чтобы скоротать время, начали петь песни. Вскоре кто-то из ребят решил нарушить чинное исполнение популярных песен и затянул:

*Цапала, цапала, на помощь не звала,
У самого Саратова я милому дала...*

Андрей слышал её первый раз и удивился тому, с каким удовольствием девчонки подхватили:

*Она не лопнула, она не треснула,
А только вишь раздалась, была тесная.*

В их школьной компании девочки вели себя куда скромнее.

В колхозе интереснее всего было убирать арбузы. Но через пару недель пришлось довольно туго: когда уезжали, было совсем по-летнему тепло, а тут резко похолодало. У большинства тёплой одежды не было, и вскоре Андрей обнаружил у себя на руке и шее довольно болезненные чирьи, но никуда не ходил и терпел до самого возвращения домой. В результате он их застудил, и у него на правой руке образовался долго не заживавший огромный фурункул, так что ещё целый месяц он был занят этой своей болячкой и почти ничего не видел вокруг, хотя регулярно ходил на лекции и даже лабораторные работы исправно посещал.

Учиться, особенно начиная с третьего курса, было исключительно интересно. Почти сразу после того, как их распределили по специальностям, всеобщим ликованием был встречен запуск первого искусственного спутника земли. Студенты поздравляли друг друга, как будто это уже их усилиями реализовано такое эпохальное событие. Все словно прозрели:

– Оказывается, вот чем нам предстоит заниматься. Это же самые передовые позиции науки и техники. Да здравствует физтех!

Незабываемым временем для Андрея Синегина остались две поездки на целину, после первого и третьего курса. Ещё в старших классах школы он любил слушать передачи по радио для целинников. Мелодично отзванивали куранты, и приятный женский голос с удовольствием сообщал:

– Слушайте, товарищи новосёлы! С вами будут говорить ваши родные.

И они говорили. Напряжёнными, неестественно громкими голосами они старались как можно сильнее кричать в микрофон, хотя в студии их, вероятно, предупреждали о том, что не надо этого делать. Но они продолжали кричать, чтобы их могли услышать где-то за тысячи километров уехавшие сыновья. И сыновья, припадая к радиоприёмникам, жадно ловили эти незнакомые родные голоса.

Эти отзвуки идущей рядом, но такой ирреальной жизни притягивали новизной и быстротечностью. Казалось, ещё год-два – и эти кажущиеся праздничными и почти героическими события станут обычными буднями. Поэтому, когда на исходе первого курса Андрей услышал почти немыслимое – можно поехать на два месяца на целину, он бросил всё, чем тогда занимался (аэроклуб, литстудию, плавание, парусный спорт), и постарался попасть в целинную бригаду.

Две целинные эпопеи были для них огромной жизненной школой. После экзамена по военке их собрали в одном из классов заполнить анкеты для присвоения звания младшего лейтенанта, и подполковник Чередниченко дошёл до пункта:

– Имеете ли правительственные награды?

После чего, помолчав, сказал:

– Писать – медаль «За освоение целинных и залежных земель» – для тех, кто имеет.

Класс восторженно загудел. Хотя и знали, что это награда, но серьёзно не воспринимали, а тут оказалось, что это действительно правительственная награда, которую многие из них получили в двадцать лет за мирный труд.

Нельзя сказать, что учёба была совсем уж лёгкой. После второго курса из группы Синегина отчислили Сашу Кочергу за то, что так и не сдал курсовой проект по черчению. В течение двух лет кто только не предлагал ему свою помощь, но он неизменно отказывался:

– Я должен сделать сам.

Андрей жил с родителями на поселке ДИИТа. Однажды на исходе четвёртого курса к нему домой приходит его однокурсник из параллельного потока Ким Шухов. Андрей иногда видел его на лекциях, но между собой они не общались. Оказалось, он снял недалеко от них квартиру и пришёл попросить Андрея помочь ему перевезти вещи. Пока шли за вещами, Ким рассказал, что полгода назад он женился, они жили в общежитии, но недавно Кима отчислили из университета, пришлось комнату в общежитии освободить.

Андрей ничего об этом не слышал, хотел расспросить подробнее, но тут они подошли к грузовику, куда надо было погрузить вещи, а потом отвезти их на новую квартиру. Когда они приехали с вещами, их вышла встречать жена Кима. Протянув Андрею руку, сказала:

– Спасибо за помощь и давайте знакомиться. Меня зовут Нателла.

Вся операция заняла у них часа два, после чего жена Кима быстренько накрыла стол, а Ким достал бутылку водки. Выпили за новоселье, а потом Андрей не утерпел:

– Ким, за что же тебя исключили?

Ким только рукой махнул, ответила Нателла:

– Представляете, его обвинили в изнасиловании племянницы ректора.

И Нателла горячо стала рассказывать, какая дрянь эта племянница, что она давно спит со всеми мужиками подряд, а всё свалили на Кима. Андрея удивляло, что жена не винит своего молодого мужа в измене, а всячески его выгораживает.

Вскоре Андрей собрался уходить, и Ким пошёл его провожать. Как бы оправдываясь, не ожидая расспросов, начал рассказывать:

– Понимаешь, меня мой приятель из горного института пригласил на свой день рождения в их общежитие. Было человек десять, в том числе несколько девчонок. Поздравили именинника, немного выпили, а потом начались танцы. Через какое-то время пригласил на танец Вилену, я тогда не знал, что она племянница нашего ректора. Наверное, выпитый алкоголь, хоть это была и небольшая доза, подействовал, и я прижал к себе партнёршу. И вдруг в ответ она прямо прилипла ко мне, чувствую, всё у меня возбудилось. Прошу приятеля, мол, найди в общежитии свободную комнату. Тот кивнул и к концу вечера отвёл нас с Виленой в какую-то комнату. Завалились мы с ней на кровать, сбросили одежду, я её целую, она отвечает, но в то же время чувствую, что она проверяет, готов ли я к дальнейшим действиям. А я уже ещё как готов! Через полчаса, обессиленные, мы с ней оставили друг друга, лежим, отдыхаем.

И вдруг дверь распахивается, включается свет, и в комнату заходят несколько человек. Впереди свирепая тётка, потом выяснилось, что она комендант общежития. Я вскочил, пытаюсь натянуть на себя одежду, а Вилена лежит голая, ничуть не смущаясь, только глаза прищурила от яркого света.

Комендантша кричит на Вилену:

– Бесстыдница, укройся!

Составили акт, и дальше всё закрутилось. Вот тут я и узнал, что Вилена племянница ректора. Спустили на меня всех собак, сначала исключили из комсомола, а потом выгнали из института.

– Что же ты теперь делаешь? – сочувственно спросил Андрей.

– Здесь рядом завод шахтной автоматики, я устроился работать в отдел технического контроля, хорошо, на кафедре нас научили грамотно разбираться в чертежах.

Потом Андрей узнал, что через год сразу после ухода прежнего ректора Ким восстановился в университете на том же курсе.

На физтехе очень популярны были туризм и альпинизм. Андрей ещё в школе любил участвовать в пеших походах по берегам Днепра и в многодневных велосипедных поездках. На физтехе к туризму его привлёк Олег Кукушкин, и первый поход состоялся в начале ноября на третьем курсе по крымским горам. 8 ноября вышли на берег Чёрного моря, в котором, несмотря на весьма низкую температуру, всё же искупались.

В этом походе Андрей впервые познакомился с одним из оригинальных народных методов лечения простуды. Два дня они шли по горам под проливным дождем, к концу второго дня у Андрея поднялась температура. Поскольку он всегда болел с высокой температурой, то она у него быстренько вскарабкалась до 39 градусов. Остановились переночевать в деревне, хозяева пустили их в дом.

Руководитель похода попросила у хозяйки стакан кипящего молока, которое смешала со стаканом шампанского, припасённого к праздникам, и дала Андрею выпить, после чего он завалился спать. Утром проснулся совершенно здоровым.

Интересным был спонтанно организованный на зимних каникулах на 4-м курсе поход в Западную Украину для катания с гор на лыжах. Сначала от Львова до Ужгорода колесили в поисках снега, а когда нашли, оказалось, что кататься с гор на лыжах – это не так просто.

Закончилось всё тем, что Олег Кукушкин таранил стоявшее на склоне единственное дерево. Травма была очень серьёзной, Олегу пришлось отправиться в местную больницу. Как только он чуть поправился, уехали домой. Олег же долго ещё мучился болями в ушибленной

спине. Но восхищение прекрасной зимней природой Карпат осталось у них на всю жизнь, а ночное сияние в лунном свете вершины самой высокой на Карпатах горы Говерлы, напротив которой они располагались, долго ещё стояло у всех перед глазами.

Турпоход на Кавказ после четвёртого курса для многих из них был событием выдающимся. Снежки, ледники с закрытыми трещинами, перевалы, неожиданный дождь или снег – всё это сопровождавшие их реальные опасности, а довольно внушительные кладбища погибших туристов и альпинистов в начале тропы, ведущей на перевал, заставляли невольно задуматься и отбросить всякое легкомыслие.

Уже через несколько лет количество инженеров-выпускников физтеха достигло почти четырёхсот человек. Они отправлялись во все края Советского Союза, в первую очередь – на все крупнейшие ракетные фирмы. Так, из 340 выпускников 1960 года наиболее крупные партии специалистов были направлены в города: Днепропетровск – 114 человек, Пермь – 33, Воткинск – 75, Красноярск – 52 и ещё по 1-10 человек на 22 других предприятия ракетного профиля.

Одним из этих выпускников-«шестидесятников» был Андрей Синегин. Несмотря на то, что его родители жили в Днепропетровске, а ему самому предлагали поступить в аспирантуру физтеха, он решил уехать из города и по распределению был направлен в подмосковный город Коломну на предприятие п/я 101.

Фирмой тогда руководил Борис Иванович Шавырин, получивший свои многочисленные награды за создание в годы войны противопехотных миномётов и начавший перестраивать свои отделы и службы на создание управляемой ракетной техники.

Ещё до прихода на работу Андрей проходил здесь в течение полугода преддипломную практику и писал диплом, так что хорошо познакомился с разрабатываемой и выпускаемой продукцией. Дипломировал он в лаборатории, набитой современной по тем временам вычислительной техникой. Основу её составляли самые передовые аналоговые вычислительные комплексы «Электрон», использовавшиеся для полунатурного моделирования самолётов, ракет и других сложных динамических систем на основе решения обыкновенных дифференциальных уравнений вплоть до 55-го порядка с большим количеством нелинейностей и переменных коэффициентов.

Разработка любого изделия начиналась с создания его модели и её «проигрывания» до тех пор, пока не получались нужные параметры или не закрывалась сама идея изделия. Фактически модель сопровождала изделие с момента зарождения идеи и до конца жизненного цикла.

Впервые здесь Андрей увидел противотанковые управляемые реактивные снаряды и даже пробовал на модели управлять ими. Специально для этого на предприятии готовили операторов, отбирая людей с молниеносной реакцией.

Дело в том, что в момент старта снаряд, находившийся ещё в стадии разработки, мог иметь любое направление движения, и необходимо было вовремя подхватить его, чтобы не дать врезаться в землю. В лаборатории был свой специалист с совершенно феноменальной реакцией: на всех ответственных испытаниях управление снарядом поручалось только ему.

Хотя дипломировал Андрей в отделе автоматики, на работу его направили к радистам, куда одновременно с ним пришло много выпускников Рязанского радиотехнического института, уже имевших богатый опыт схемотехнических разработок. С одним из них – Александром Чернявским – Андрей сразу же сдружился.

Оценивая его уровень в области схемотехники и свой, Андрей понимал, что ему не один год придётся потратить, чтобы пройти тот путь, который Александр без напряжения прошёл на кафедре вуза, и не понимал, зачем ему надо уродоваться таким образом, когда на предприятии есть работа по его специальности, в которой он тоже много чего умеет. Целый год Андрей добивался перевода к автоматчикам и только под угрозой забастовки добился своего.

И так получилось, что на новом месте ему сразу же пришлось столкнуться с проблемой точного сдвига фазы на 90 градусов. Из-за погрешностей при установке сдвига фазы проходивший тогда заводские испытания реактивный снаряд «Малютка» имел серьёзные проблемы с управлением. Андрей предложил своё решение, которое оказалось для специалистов довольно неожиданным. И после этого довольно долго его бывшему начальнику отдела приходилось выслушивать упрёки:

– Вот у тебя молодые специалисты не хотят работать, а видишь, какие у них идеи.

Но, конечно, конфликтовал он только из-за желания работать по специальности, и его отношения с сотрудниками и радионного отдела, и отдела автоматчиков оставались прекрасными долго ещё и после того, как он покинул Коломну.

Помимо интересной работы в Коломне были исключительные природные условия. С трёх сторон она окружена водными пространствами – реками Коломенка, Москва и Ока, за которыми находятся обширные лесные массивы. Грех было этим не воспользоваться, и летом (а часто и зимой) в выходные дни Андрей с приятелями пропадали в походах по окрестным лесным массивам, ночуя в палатках на берегу реки. Выбирались и в более дальние места – например, на родину Есенина.

Как-то в одном из походов ему пришлось стрелять из топора. Расположились в палатке на берегу небольшой речушки Осётр, а особую ценность – бидон с квасом – опустили в воду, чтобы охладился. Часа в два ночи один из ребят будит всех:

– Вставайте, квас украли!

Оказывается, он увидел проезжавшую мимо лодку и решил проверить бидон. Обнаружив, что его нет, организовал погоню. Лодку догнали метров через триста. Пока остальные объяснялись с пассажирами лодки, Андрей забежал немного вперёд, так что для тех, кто в лодке, он был на фоне яркой луны, выставил перед собой туристский топорик и скомандовал:

– А ну причаливай, а то стрелять буду!

С полминуты поторговавшись, лодка ткнулась носом в берег, но обнаружить в ней так ничего и не удалось. Всё это время Андрей продолжал держать лодку «на мушке».

За два года Андрей успел получить водительские права, освоить профессиональную кинокамеру «Конвас» и на открывшемся в 1961 году ледовом стадионе снимал выступление тогдашнего чемпиона мира Виктора Косичкина. С этим его увлечением связан один курьёзный, но неприятный случай, по счастью, закончившийся для него благополучно.

Предприятие имело полигон, на котором была оборудована испытательная лаборатория, где регулярно проводился прожиг двигателей с фиксацией процесса на киноплёнку. Однажды куда-то запропастился оператор, возможно, заболел. Кто-то вспомнил про Андрея и решил привлечь его к этому делу. Договорились с его начальством, Андрей взял камеру и поехал. Испытания и съёмки прошли благополучно, а когда вернулись, разразился скандал.

Режимное мероприятие никак не было оформлено, а у Андрея не было даже допуска на полигон. Он, молодой специалист, недавно пришедший на предприятие, принятых правил, конечно, не знал, а без штатного кинооператора, который, наверное, всё оформлял сам, никто об этом не позаботился. Сначала все сосредоточились на Андрее, как на злостном нарушителе, но довольно быстро поняли, что могут пострадать многие, и дело тут же замаяли.

В Коломне Андрей жил в общежитии предприятия в одной комнате с пришедшим на работу одновременно с ним Женей Трифоновым, сокамерником, как они шутливо называли друг друга. В отличие от Андрея, Женя был частым посетителем вечеров во всех трёх Дворцах культуры города и время от времени появлялся в общежитии с очередной знакомой. Представлял её сокамернику, они вместе выпивали по чашке чая, а потом Андрей отправлялся на пару-тройку часов погулять. Женя и его пытался привлечь к своему образу жизни:

– Слушай, Андрей, пойдём на вечер, там девчонки – закачаешься. Правда, у многих из них зубы с жёлтым налётом – это влияние местной воды. Ну, закроешь глаза, подумаешь!

Но Андрей на эти уговоры не поддавался. Ему уже понравилась красивая девушка в строгих очках, которую он через год после своего трудоустройства увидел сначала в столовой предприятия, затем на комсомольском собрании, но познакомиться не получалось. Всё же взгляды, которые он на неё бросал, по-видимому, не остались без внимания окружающих, и как-то Женя ему сказал:

– Андрей, девчонки приглашают нас завтра на вечер в заводском клубе. Там, кстати, будет и девочка, на которую ты засматриваешься. Зовут её, как мне сказали, Вера.

Андрей не стал отпираться, и на следующий день состоялось их знакомство с Верой. Девчонок была целая компания, но Андрей танцевал только с Верой, и она не возражала. Его поразило, насколько легко и точно она следовала в танце всем тем выкрутасам, которые он предпринимал сначала случайно, а потом специально, чтобы проверить эту её способность. Вера абсолютно безошибочно следовала всем его действиям, ни разу не сбившись. Казалось, она заранее знала, что предпримет её партнёр, хотя Андрей иногда и сам не представлял, в какую сторону повернёт в следующее мгновение.

Андрей проводил Веру домой, и они простояли в подъезде её дома часов до двух ночи, пока Веру не затребовала домой мама. Оказалось, что Вера не только классно танцует, но и говорить с ней о всякой всячине было очень интересно. А после того, как он осмелился её поцеловать, ему уже казалось просто невозможным отклеиться от неё. С того вечера он появлялся у Веры почти каждый день.

Фактически в Коломне Андрей стал взрослым. До этого к своему будущему он относился довольно легкомысленно и не строил никаких долгосрочных планов. Когда перед окончанием физтеха ему предложили поступать в аспирантуру, он отказался, даже не особенно размышляя. Теперь же понял, что, несмотря на полученные на физтехе обширные знания, во многих случаях не хватало глубины.

Прекрасный коллектив шавыринской фирмы сумел в феноменально короткие сроки освоить разработку и выпуск первоклассной ракетной техники. Однако аспирантура там появилась только лет через двадцать после прихода Андрея на работу. Решив поступать в аспирантуру, Андрей выбрал ИРЭ – Институт радиотехники и электроники АН СССР – и двенадцать лет работал там, занимаясь статистической радиотехникой, а конкретнее – статистической теорией и практикой обнаружения сигналов и оценки их параметров.

Поступив после двух лет работы в аспирантуру ИРЭ, Андрей поселился в академическом общежитии в Москве и вскоре понял, что жить без Веры не сможет. Свадьбу сыграли в квартире Вериних родителей, где для молодожёнов выделили отдельную комнатку, в которой помещались двуспальная кровать и столик в углу.

Когда уже за полночь загулявшие гости разошлись, Андрей с Верой отправились теперь уже в свою комнату, улеглись в постель, и новоявленный муж приготовился впервые исполнить свой супружеский долг. До этого Вера категорически пресекала все его робкие попытки более близкого общения, чем поцелуи.

Ласкают они друг друга, кровь закипает, и Андрей уже перешёл к решительным действиям, как вдруг Вера решила рассказать какой-то смешной анекдот. Надо сказать, что она умела это делать, у неё неплохо получалось. Анекдот действительно оказался смешной, так что Андрей поневоле, забыв про свои намерения, от души засмеялся. И тут же спохватился:

– Ну вот! Смех всё разрушил.

Вера с любопытством заглянула под одеяло и искренне огорчилась:

– Ой, как жалко, что же теперь делать?

– Надо подождать, – Андрей хоть и был смущён, но старался держаться уверенно.

Впрочем, через несколько минут всё у него наладилось.

В первые годы работы Андрею было не до сокурсников. Правда, с наиболее близкими студенческими друзьями он изредка переписывался или созванивался, а один раз в год встре-

чался с ними, приезжая в отпуск к родителям в Днепропетровск. Некоторые не могли ужиться на новом месте и срывались почти в чём мать родила на родину.

Один из его сокурсников уже через год практически бежал домой через Коломну. Хотя днём уже хорошо пригревало солнце, но парень был в одной майке и вечером ёжился от холода, так что Андрею пришлось отдать ему свою рубашку.

Через пять лет все понемногу устроились: кто там, куда был направлен, другие по возвращении в родные пенаты. И наиболее инициативные организовали встречу бывших сокурсников, естественно, в Днепропетровске. За пять лет никто ещё существенно по карьерной лестнице не продвинулся, так что встречу провели в студенческой кафешке с очень скромным набором блюд.

Но зато наговорились вволю, у каждого была масса новостей. Почти все отмечали, что, приехав на новое место, они обнаруживали там физтеховцев более ранних лет выпуска, причём многие из них были уже начальниками лабораторий и даже отделов, а на производстве командовали цехами. Чувствовалось, что специалистов физтеха ценили, это было приятно и как-то обнадеживало в плане личных перспектив.

Атмосфера встречи была очень тёплой, все были рады снова увидеть бывших сокурсников. Не так давно сняли Хрущёва, новым главой страны стал Брежнев. С удовольствием делились анекдотами. Про ещё свежие впечатления от правления Хрущёва рассказывали:

– Что Хрущёв не успел сделать?

– Разделить министерство транспорта на два – «Туда» и «Обратно».

Кто-то тут же добавлял:

– В одном селе муж и жена поссорились, и жена побежала жаловаться в райком партии – мол, муж-кузнец грозит убить её молотом. А секретарь райкома отвечает:

– Это вы, гражданочка, не по адресу, у нас сельский райком, вот если бы он серпом...

Местные вспоминали, как во время приезда Хрущёва в Днепропетровск он ехал из аэропорта в открытой машине, и стоявшие на обочине люди кидали в машину букеты цветов, и почти в каждый был завернут булыжник, после чего Хрущёв заявил:

– В Днепропетровске народ некультурный.

К сожалению, пошли первые потери. Учившийся в одной группе с Андреем Вадим в конце пятого курса разбился на мотоцикле.

Особенно остро переживал Андрей смерть своего приятеля Юры Куличихина, с которым они почти все пять лет учёбы на лекциях просидели за одной партой.

Списки с фамилиями принятых на физтех с разбивкой по группам вывесили буквально накануне первого сентября – во всяком случае Андрей их увидел то ли тридцатого, то ли даже тридцать первого августа. Нашёл он их не сразу и спросил, где их искать, у какого-то парня, который стоял, прислонившись к заборчику. Тот пошёл показать, где списки, и, наверное, сам ещё раз хотел посмотреть на свою фамилию в этих списках. Оказалось, что они в одной группе, а фамилия его Куличихин.

Он уже успел отработать в колхозе по разнарядке из университета. Так они с Юрой познакомились и потом все пять лет учились в одной группе, были в очень добрых дружеских отношениях и почти всегда на лекциях старались сесть рядом.

Примерно такого же роста, как Андрей, может быть, на пару сантиметров выше, но с более мощным телосложением, говорившим о его немалой силе, он обладал спокойным уравновешенным характером и исключительно дружелюбным отношением к окружающим.

Андрей не раз наблюдал, как некоторые девчонки из их группы пытались его растормозить, даже разозлить, но он только добродушно посмеивался.

Жил Юра на Игрени, в своём доме вместе с родителями, хотя отца его Андрей ни разу не видел, скорее всего, они жили вдвоём с мамой. Синегин довольно часто бывал у них дома. Тогда телевидение только начинало развиваться, но телебашню уже построили. Игрень была

всё-таки относительно далеко от неё, и Юра активно занимался конструированием телевизионных антенн.

Андрей жил почти рядом с телебашней, и сигнал принимался просто на кусок провода, но как радиолюбителю со стажем ему было интересно участвовать в разработке разных конструкций антенн, которые они испытывали у Юры дома.

Физически Куличихин был очень хорошо развит и прекрасно играл в волейбол. Когда началась специализация по видам спорта, Юра записался в волейбольную секцию и не изменил своему спортивному увлечению до конца учебы в университете.

Вообще, Юра был очень положительный человек. Когда у Андрея ещё ветер бродил в голове и он мало задумывался о будущем, если не сказать – совсем не думал, Юра уже твёрдо знал, что он останется жить в родительском доме, который он по-хозяйски обустраивал. Действительно: после окончания физтеха Юра распределился на «Южмаш». К несчастью, жизнь его оказалась очень короткой. Он неудачно упал с велосипеда, повредил себе внутренности – и уже в 1963 году его не стало.

Даже на выпускной фотографии у него грустные глаза, хотя в жизни он, как и все, и улыбался, и смеялся, и анекдоты рассказывал. Но всё же с самого начала его отличала некоторая взрослость.

У Андрея сохранилось фото ребят их группы на Днепре, когда несколько человек схватили одетого приятеля и как бы пытаются затащить его в воду. Есть на фото и Юра Куличихин – стоит, смеётся, держит парня за руку, но вся его поза наполнена снисходительностью к этим детским забавам.

Андрей Синегин был довольно сдержанным в общении с другими и немногословным. В застольных беседах никогда не был лидером, предпочитая слушать других. Тем не менее, в критических ситуациях умел проявить инициативу и, как говорят, взять в свои руки бразды правления. Эти его особенности в полной мере проявятся в его будущей, а пока только ещё начинающейся взрослой жизни.

Почти смертельное ДТП

Серёга умирал. Всего несколько минут назад он энергично крутил педали велосипеда, возвращаясь с работы по узенькой дорожке, протоптанной на высокой насыпи вдоль железнодорожного полотна. Он торопился, зная, что на этой дороге в любой момент мог появиться, как его все называли, ракетный поезд, который не останавливался ни при каких условиях и сметал всё, что могло оказаться у него на пути. Надежда была на то, что грохот поезда можно услышать заранее и успеть скатиться с насыпи, поэтому Серёга всё своё внимание сосредоточил на возможном появлении звуковой канонады поезда и не обратил внимания на какое-то негромкое тарахтение позади себя. И вдруг резкий удар сбросил его вместе с велосипедом с насыпи, он полетел кувырком и, уже теряя сознание, увидел удалявшийся в сгущавшихся сумерках мопед с двумя седоками.

Через некоторое время он очнулся, полежал, вспоминая, что же произошло. Он знал, что до их посёлка Зелёный дол уже недалеко, в другое время он и без велосипеда добежал бы отсюда за десять минут. Попробовал пошевелиться, надеясь вылезти на насыпь, но от резкой боли снова потерял сознание. Была тёмная холодная ночь позднего лета, но, находясь почти все время в полудремотном состоянии, Серёга не чувствовал холода, хотя одет был в лёгкую летнюю рубашку и брюки. Начало светать, и на насыпи появилась какая-то фигура. Увидев лежащее внизу насыпи тело, человек остановился, осторожно спустился с насыпи и, наклонившись, вдруг воскликнул:

– Серёга, ты?! Что с тобой?

Сергей услышал голос, хотел ответить, но губы не слушались. Увидев окровавленную одежду, человек торопливо проговорил:

– Ради бога, не умирай. Я сбегаю за ребятами и за машиной, доставим тебя в больницу. Я скоро, потерпи полчасика.

Сергей остался лежать один, уже совершенно теряя силы. Через полчаса послышался гул автомашины, и вскоре она подъехала, двигаясь по рельсам. Выскочившие из неё молодые ребята с носилками спустились с насыпи и осторожно погрузили Сергея на носилки, а затем носилки на багажник машины, и также по рельсам двинулись в посёлок. Поселковая больница стояла на краю посёлка. Когда парни внесли туда носилки, вызванный из дому главный врач поселковой больницы уже находился в палате, он быстро осмотрел пострадавшего и тут же начал отдавать распоряжения. Совершенно окоченевшего Серёгу отнесли в тёплую ванну, а в палате начали готовить место для операции.

Операция длилась несколько часов. Всё это время четверо парней, которые привезли Серёгу, молча сидели в коридоре больницы. Когда уставший врач, стягивая перчатки, вышел из операционной, ребята бросились к нему:

– Иван Данилович, ну, что с Серёгой? Будет он жить?

Хирург был немногословен:

– Будем надеяться на его молодой крепкий организм. Сейчас он спит.

Ребята потоптались на месте, не зная, что делать дальше, потом один из них вспомнил:

– Мужики, надо отцу Серёги Николаю Андреевичу сообщить о случившемся. Он ведь до сих пор ещё ничего не знает.

Николай Андреевич, получив известие, тут же помчался в больницу. Врача он уже не застал, тот поехал отсыпаться. Медсёстры сообщили ему, что обо всём случившемся доложено в Брянск и оттуда сегодня приедет областная врачебная комиссия для консультации и проверки. В заключение они показали ему палату, в которой лежал Сергей. Николай Андреевич издала посмотрел на бледное лицо сына, но никаких других изменений не заметил, с тяжёлым сердцем отправился домой, чтобы сообщить жене печальную новость.

Вечером Николай Андреевич снова пришёл в больницу, но со слов медсестры узнал только, что Иван Данилович сидит с врачебной комиссией и вряд ли скоро освободится. Поглядев издали на сына, увидел, что тот то ли спит, то ли находится в бессознательном состоянии.

На следующий день Николай Андреевич с утра отправился в больницу. Иван Данилович увидел его в окно, вышел на крыльцо, поздоровался и пригласил в кабинет. Не ожидая вопросов, начал подробно рассказывать:

– Николай Андреевич, у вашего сына тяжелейшая травма. Была очень сложная операция. Вчера, кстати, приезжала областная комиссия, допоздна разбирались, что и как сделано, заключение – операция проведена правильно, назначение лекарств тоже верное. Но Сергей потерял очень много крови, сделали ему переливание. Пришлось перебрать весь желудок и удалить селезёнку, она была совсем раздавлена. Сейчас у него кризис, поднялась температура, даём ему необходимые таблетки, ставим капельницы. Но всё будет зависеть от его организма. Через день мы прекратим давать снотворное, он придёт в сознание – можете с ним поговорить. Но всё-таки сначала зайдите ко мне.

Спустя два дня Серёга очнулся. Попробовал повернуться набок, но от резкой боли потемнело в глазах. Успокоившись, решил восстановить в памяти случившееся с ним кошмарное происшествие, но вспомнил только удалявшийся по вершине насыпи мопед с двумя расплывчатыми силуэтами на нём да разрозненные не связанные одна с другой смутные плохо различимые картинки.

Открылась дверь, в палату вошла медсестра, увидев открытые глаза Сергея, обрадовалась:

– Миленкий! Пришёл в себя. Сейчас я пойду доложу Ивану Даниловичу.

Сергей слабым голосом с трудом произнёс:

– Как долго я здесь?

Медсестра, помедлив, сказала:

– Пятый день, – и тут же убежала.

Минут через пять появился Иван Данилович:

– Ну, привет, орёл! Голова кружится?

– Вроде нет, – неуверенно отозвался Сергей.

– Это хорошо, – одобрил Иван Данилович, – но температура у тебя ещё держится, так что постарайся особо не ворочаться. Если что надо, зови медсестру. Есть тебе пока ничего нельзя, можно чуть-чуть водички.

Он взял руку, пощупал пульс:

– Ну, что ж, пульс ровный, хотя и повышенный.

Чуть помолчал, погладил Сергея по руке:

– И настраивай себя на выздоровление, это сейчас самое главное. Таблетки таблетками, но в основном всё зависит от тебя.

К концу дня в палате появился Николай Андреевич, сел на стул возле кровати. Сергей почти виновато слабым голосом сказал:

– Вот, батя, какая ерунда со мной случилась.

Отец тяжело вздохнул:

– Мне твои ребята рассказали, как всё было. Что ж этот изверг даже не остановился?

Не ожидая ответа, он придвинул к себе второй стул, вытащил из сумки и разложил на стуле бритвенные принадлежности, сказал сыну:

– Давай я тебя побрею.

Сергей удивился:

– Батя, да зачем, скоро я сам смогу побриться.

– Ну, ты не бритый, надо побрить, – судорожно вздохнул отец.

Сергей вдруг увидел, что в глазах отца дрожат слезинки:

– Батя, да ты что, хоронить меня собрался? Вот увидишь, я непременно буду жить. Успокойся сам и маму успокой.

У него перехватило дыхание, он чуть помолчал и тихо добавил:

– Мне рассказали, что Иван Данилович пять часов делал операцию, не могу же я его подвести.

В дверь заглянула медсестра, и Сергей поманил её рукой. Медсестра зашла в комнату, за ней ещё одна. Сергей уже знал, что это практикантки из мединститута. Молоденькие девчонки нерешительно остановились у края постели больного. Сергей взглянул на них и спросил:

– Как долго у вас практика?

– Ещё два месяца, – недоумённо ответила одна из них, не понимая, к чему этот вопрос.

– Через месяц я приглашаю вас на танцы в наш клуб, – слабым голосом, негромко, но твёрдо проговорил Сергей.

От неожиданности девчонки онемели, зная, что этого больного недавно вытащили с того света и ещё неизвестно, выживет ли он. Выручил Николай Андреевич, поневоле улыбнувшись, он сказал:

– Ну, ты герой. Совсем девчонок перепугал, не знают, как себя вести.

Видно было, что Сергей устал от столь длинного разговора. Отец заметил это и добавил:

– Ты отдохни, а я пока тебя побрею, а то на танцы небритым неприлично идти.

В один из дней к нему в палату заявила четвёрка приятелей, доставивших его в больницу. После обмена приветствиями, благодарностями и любезностями один из них сообщил:

– Серёга, тебя сбил и сбежал, оставив умирать, Колька Сысоев, это он ехал на мопеде с братом. Мы готовы принять к нему самые крайние меры, как ты на это смотришь?

Сергей отрицательно покачал головой:

– Не трогайте его, ребята, судьба или бог ему судья. Я знаю, что злое дело не остаётся безнаказанным, но я не хочу в этом участвовать и быть запятнанным чужой кровью.

Молодой организм Серёги всё-таки выдержал неожиданно свалившееся на него тяжелейшее испытание – и дней через десять ему разрешили вставать. Сначала на дрожащих ногах он делал несколько шагов и обессиленно опускался на кровать, но постепенно чувствовал себя всё более уверенно. Наконец Иван Данилович решил выписать его домой и на прощанье напутствовал:

– Через неделю придёшь ко мне на приём, посмотрим, как ты переносишь свободный режим. Теперь о том, как себя вести. Не лежи целыми днями. Надо потихоньку ходить и даже делать простенькие физические упражнения. Но смотри, не переусердствуй. Не дай бог, полезешь на турник или начнёшь поднимать гири. Все упражнения должны быть мягкими и не вызывать слишком сильную боль, хотя возникающая небольшая болезненность полезна, но небольшая. Усвоил?

Наставления Серёга, конечно, запомнил, но ещё лучше он помнил своё обещание девчонкам-практиканткам пригласить их на танцы. Установленный им месяц завершился, но пока что он не был в состоянии не то что танцевать, но даже просто устойчиво ходить, не опасаясь упасть. Месяца через полтора он всё же отправился в клуб. Находившиеся там приятели восторженно его встретили, бросились обниматься, а он только повторял:

– Ребята, не затискайте.

Закончив с объятиями, он огляделся. Оказалось, девчонки уже были здесь. Прежде, чем подойти к ним, попросил приятелей, с которыми вместе он играл в оркестре:

– Ребята, какой-нибудь медленный танец.

Подошёл к девчонкам, те не могли поверить своим глазам: по их понятиям – парень явился с того света. Пригласил одну, потанцевал, потом вторую. Даже медленный танец давался ему с трудом. Закончив танцевать, поблагодарил девочек и, обессиленный, но довольный собой, с чувством выполненного долга отправился домой.

Ещё месяц спустя, Иван Данилович, снова повторив свои наставления, окончательно закрыл ему больничный бюллетень.

Окончив школу в шестнадцать лет, Сергей сразу же устроился на работу учеником монтера и вскоре стал полноправным членом бригады электриков, обслуживавших междугородную телефонную связь. Теперь после четырёх лет работы надо было срочно уволиться.

Увольняться ему пришлось бы в любом случае, потому что он затеял перевод из вечернего отделения института, где он закончил уже три курса, на дневной. Перевод он уже практически оформил, но ему предстояло сдать несколько обговорённых заранее дополнительных экзаменов, а отпущенное для этого время уже прошло. Уволился он быстро, в институте, посмотрев на больничный, ему сначала предложили оформить на год академический отпуск, но потом уступили его настойчивым просьбам и продлили срок сдачи задолженностей.

Упорства Серёге было не занимать, вскоре со своими долгами он рассчитался, даже умудрился сдать на повышенную стипендию, и пошла обычная студенческая жизнь. Учился он с интересом, радиотехника его с детства привлекала, а собранный им в шестом классе детекторный приёмник вызывал восхищение у приятелей. На четвёртом курсе он устроился работать на кафедру, небольшие деньги были хоть какой-то прибавкой к его повышенной стипендии. Жизнь в Москве была намного дороже их поселковой, но он не принимал помощи от родителей, которым на зарплату отца надо было содержать ещё двух его сестрёнок.

Тем временем учёба подходила к завершению. Пятый курс на исходе, а там полгода преддипломная практика, защита и – прощай, институт. Серёга был человеком практичным и ответственным. В семье он был младшим, родители были уже, по его понятиям, в преклонном возрасте, его долг – заботиться о них, значит, работать он должен на доступном от родительского дома расстоянии.

Кроме того, ещё в школе он положил глаз на шуструю быстроногую девочку по имени Валя, на год младше его. За это время убедился, что мысли всё время крутятся вокруг неё, значит, никто другой ему не нужен, поэтому самая пора жениться, тем более, что она одновременно с ним завершала образование в пединституте и, похоже, тоже относилась к нему неравнодушно. Не дай бог, распределение раскидает их по разным районам страны. Не откладывая решение в долгий ящик, заказал телефон Вали и после взаимных приветствий сразу же предложил ей:

– Валя, давай поженимся!

Ошавевшая от неожиданности, Валя быстро пришла в себя и через несколько минут показных раздумий согласилась.

К концу пятого курса они расписались. Скромную свадьбу с Валей отметили в студенческом общежитии с участием Серёгиных институтских приятелей и нескольких Валиных подружек. Со своими родителями отметили своё бракосочетание в узком кругу в домашних условиях.

На распределении Серёге предлагали разные города Сибири, Урала, Средней Азии, но в конце концов он остановился на подмосковном Фрязине, как наиболее близком к дому его родителей. Так он пришёл по распределению в Институт радиотехники и электроники Академии Наук. Причём диплом ему не выдали, обещали через год, а пока он получил справку, по которой его приняли на работу стажёром-исследователем. Такие в тот год были правила.

Походив по частному сектору города, они с Валей быстро нашли комнату, договорились с хозяевами и сразу же загрузили туда свои немудрёные вещи. Сложнее оказалось найти работу Вале. Школы во Фрязино оказались полностью укомплектованными, пришлось искать место в других окрестных городках. Дня через два Валя договорилась устроиться на работу в Пушкино. Ездить туда надо было сначала электричкой до Ивантеевки, а затем автобус подвозил её прямо к школе. В день, когда Валя первый раз отправилась в школу, Сергею пришлось уехать в экспедицию в деревню в Калужской области.

Так началась их с Валюхой, как называл Серёга жену, совместная жизнь.

Член-корром можешь ты не быть

Весь первый год учёбы в аспирантуре у Андрея ушёл на изучение с нуля английского языка, поскольку в школе и в институте он изучал французский, и сдачу кандидатского экзамена. Вера оставалась в родительском доме и продолжала работать на прежнем месте, и Андрей, как только появлялась возможность, забивал свой портфель мясом и колбасой и летел в Коломну. Через год у них с Верой родился сын, и Андрей решил, что настала пора формировать своё семейное гнездышко.

Оказалось, что в подмосковном городе институт имеет свой филиал, который недавно образовался и набирал сотрудников. Андрей перевёлся в заочную аспирантуру и поступил на работу младшим научным сотрудником в лабораторию, которой заведовал Лев Тимофеевич Ремизов. Самым важным для Андрея было то, что ему тут же предоставили комнату в трёхкомнатной квартире.

К сожалению для него, Вера ещё год провела с маленьким сыном у родителей. Всё это время Андрей мотался на выходные в Коломну, загружая портфель продуктами, а в рабочие дни, возвращаясь поздно вечером с работы, укладывался спать, расстелив на полу газеты, а на них простынку, подушку и сверху одеяло. Мебель без Веры он не решался покупать.

Директором Института радиотехники и электроники АН СССР в то время был один из основоположников отечественной радиолокации академик Котельников Владимир Александрович, а заведующим отделом, в состав которого входила лаборатория Ремизова, другой мэтр отечественной радиолокации – тогда член-корреспондент, а позднее академик АН СССР Кобзарев Юрий Борисович. Научная школа по статистической радиотехнике и радиолокации, которая была создана ими в ИРЭ АН СССР, была выдающейся и давала неоценимые знания в этих областях.

Основной задачей лаборатории, которой сразу же пришлось заняться Андрею, было изучение свойств атмосферных радиопомех, для чего была создана специальная экспедиция для работы в натуральных условиях. Буквально через неделю Ремизов сказал Андрею:

– Знаете, у нас в Калужской области, в деревне Лазино работает экспедиция, надо вам туда съездить, ознакомиться с обстановкой, а потом составим график проведения измерений в рамках выполняемой нами научно-исследовательской работы, основным исполнителем которой вам придётся быть. Людей у нас пока немного, но мы набираем народ, через год-полтора придут молодые специалисты, у нас уже есть разнарядка.

Так Андрей сразу же стал рабочей лошадкой полевых исследовательских работ. Поездки в экспедицию продолжались от двух недель до месяца, зато по возвращении он мог прихватить к выходным ещё пару дней, чтобы провести их с Верой и сыном.

Поначалу Андрей никак не мог понять, как ему совместить работу с аспирантурой, но потом оказалось, что материалы для диссертации, как правило, образуются при выполнении научно-исследовательских работ, так что среди сотрудников института популярным было изречение неведомого юмориста:

– Член-корром можешь ты не быть, но кандидатом стать обязан.

Через год Андрей написал свой первый отчёт по научно-исследовательской работе, сделал по нему доклад на семинаре отдела, которым руководил Кобзарев, и негласно как бы утвердился в качестве полномочного члена научного коллектива. А вскоре Ремизов предложил ему стать заместителем заведующего лабораторией. Эта должность была сугубо общественной, никаких денег не добавляла, но как бы повышала статус специалиста. На всякий случай Ремизов прибавил ему к зарплате десятку.

Вскоре и Вера переехала во Фрязино и поступила на работу в конструкторский отдел того же института. И, наконец, начали появляться новые молодые специалисты. Первым после

Синегина пришёл на работу в лабораторию Бекетов Сергей Вячеславович, выпускник Московского физико-технического института. Они сразу же сошлись с Андреем. Оказалось, что Бекетов родом из Запорожья, всего 80 км от Днепропетровска, так что сразу выяснилось, что у них масса взаимных интересов. Теперь отчёты по НИР они писали вдвоём, и это резко ускоряло работу. Появились у них и совместные публикации в академическом журнале их института «Радиотехника и электроника».

Прошло ещё полгода, и в лабораторию пришли ещё два новых сотрудника. После некоторого перерыва Синегин из экспедиции в Лазино, а Бекетов из короткого отпуска одновременно появились на работе. Заходят в свою комнату и видят, как какой-то новый парень возится в углу у окна с набором шестерёнок, пытаясь их состыковать одну с другой. Бекетов удивился:

– Привет! С чем это ты химишишь?

Парень улыбнулся:

– Лев Тимофеевич поручил мне запустить механический гармонический анализатор, но, похоже, одна шестеренка потеряна.

Андрей хмыкнул:

– И бог с ней. Давай лучше знакомиться. Андрей Синегин, – протянул он руку парню.

– Сергей Алексеев, – протянул тот свою в ответ.

– Мы с тобой тёзки, – подключился Бекетов. – Ты какой институт окончил?

– Авиационный, а ты?

– Я московский физтех, – отозвался Бекетов.

– А почему московский, а не просто физтех? – удивился Алексеев.

– Потому что он тоже, – Бекетов показал на Андрея, – окончил физтех, только днепропетровский.

– Не слышал про такой, – ещё больше удивился Алексеев.

– Скоро услышишь, – заверил Бекетов, – их там клепают каждый год по тысяче инженеров, скоро всю страну оккупируют.

– Пока только по четыреста, – успокоил Андрей, – к тому же трёх разных специальностей.

Прошло ещё немного времени, и в их коллективе появился ещё один сотрудник – Царёв Николай. Правда, в отличие от остальных, он был аспирантом, но ежедневно аккуратно появлялся на работе и практически ничем не отличался от других штатных сотрудников.

Все четверо сидели в одной комнате и, кроме повседневных рабочих обязанностей, были озабочены своими диссертационными делами, так что кто-то из них вскоре написал большими буквами и прикрепил к стене, как повседневное напоминание, этот же самый знаменитый лозунг:

– Член-коррпом можешь ты не быть, но кандидатом стать обязан.

И покатила их обыденная работа, основной частью которой было проведение экспериментальных исследований в полевых условиях. Все молодые, даже завлаб Лев Тимофеевич Ремизов едва подбирался к сорока, а остальные – сразу после вуза или техникума.

Работа в экспедиции была напряжённая, с круглосуточными дежурствами, ремонтом в полевых условиях ломавшейся техники, обслуживанием дизель-генератора, обеспечивавшего аппаратуру электричеством, поскольку располагалось всё это вдали от электричества.

Но и по возвращении из экспедиции приходилось много времени тратить на обработку накопленного экспериментального материала – многокилометровых записей на магнитных лентах и фотоплёнках, строить многочисленные графики, анализировать полученные данные и предлагать гипотезы, делать выводы и умозаключения. Кропотливая и большей частью нудная работа.

Ну и, конечно, требовалась разрядка. Самый простой способ – выпивка. Не часто, но регулярно. Конечно, ходили в кино, посещали театры. Были и свои рекордсмены – завзятые театралы. Так, Лёня Протопопов даже свою двухкомнатную квартиру в Подмоскovie поменял

на комнату в Москве – только ради того, чтобы иметь возможность регулярно бывать в Большом театре.

Конечно, выпивка – не самый одухотворённый вариант времяпрепровождения, но, несомненно, самый распространённый. В то время основной проблемой было найти водку – не вообще, а именно тогда, когда она требовалась, поэтому на работе предпочитали использовать спирт. В институте и в лаборатории спирт был на строгом учёте. Выдавали только на определённые виды работ, расписывались в десятке ведомостей, составляли отчёт об израсходованном спирте.

Тем не менее ребята на любом применении спирта умудрялись хоть немного, но экономить, хотя это были, конечно, крохи. Другое дело при выезде в экспедицию. Там и контроль был слабее, и списать было проще. Но эта экономия обычно использовалась на более благородные, в какой-то мере даже общественные цели.

Так, в процессе подготовки к защите кандидатской диссертации Димы Добряка группа специалистов решила сделать из сэкономленного таким образом спирта коньяк. Нашли заводскую технологию, модернизировали её применительно к домашним условиям. Руководство всей процедурой взял на себя Юра Орехов, который и предложил основную операцию выдерживания в дубовых бочках заменить настаиванием на дубовых стружках. Стружку сделали из хорошего дубового стула, обработали стружку перекисью водорода и залили разведённым до крепости сорок градусов спиртом.

Поскольку никто не знал, сколько времени надо настаивать, оставался единственный способ – пробовать на вкус, в результате чего настаивавшийся спирт стал довольно быстро усыхать. Чтобы не ставить под удар карьеру зятя и обеспечить благополучное завершение защиты диссертации, Димина тёща сварила сорок литров самогона. Добавили ещё стружки, залили самогон – и процесс продолжился, пока все не пришли к единодушному мнению, что продукт готов.

Всё же, несмотря на все издержки домашней технологии, к защите литров двадцать самодельного коньяка было готово. Успех был огромный. Из всей лаборатории один только Лев Тимофеевич не был посвящён в тайны происхождения коньяка, но ему он, по всему видно, понравился. Нахваливая коньяк, поинтересовался:

– Где достали?

– Да у Димы знакомые оказались в конторе, где разливают коньяк, – Юра Орехов взялся объяснить таинственное происхождение такого большого количества золотистого напитка.

– А почему он без этикеток?

Действительно, коньяк красовался на столе в нескольких разнокалиберных бутылках.

– Так он же прямо с линии разлива, до упаковки, – не растерялся Юра.

Так вот, в условиях всеобщего спиртового дефицита в сейфе у Льва Тимофеевича всегда стояли две-три стеклянных банки с притёртой пробкой, в которых в качестве НЗ – неприкосновенного запаса – хранился спирт. В экстренных случаях Лев Тимофеевич доставал банку и отливал кому надо сто или двести граммов, при ближайшей возможности снова пополняя банку, поэтому про НЗ знали все.

Знать, конечно, знали, но тяжеленный сейф закрывался двумя ключами, и стоял он в кабинете завлаба, закрывавшемся специальным ключом. Ключи же от сейфа были только у Льва Тимофеевича, а от кабинета ещё и у Андрея – заместителя заведующего лабораторией.

И вот однажды возвращается Андрей из очередной экспедиции, и его тут же перехватывает техник Лёва Фёдоров:

– Слушай, надо что-то делать – Женьки Куценко уже второй день нет на работе!

– Как нет? А домой ходили?

– Да ходили. На стук никто не отвечает, а телефона у них нет.

– А кто последним видел его?

- Да многие. Ну, и я тоже. С работы вместе шли.
- Поддатые?
- Ну, немного.
- А что пили?
- Спирт, конечно.

Женька Кущенко – мужик под два метра ростом и весом килограммов сто тридцать. Такого даже бутылка спирта не свалит, значит, случиться могло что-то серьёзное. Тем более, что склонностью к прогулам он не отличался.

- Слушай, Лёва, а может, он в аварию попал? Он куда не собирался ехать?

У Женьки был запорожец – консервная банка. Когда Женька с трудом втискивался в него, бедный «запор» проседал почти до земли.

- Да ничего не говорил.

Пришлось Андрею собрать небольшую экспертную группу, обсудить ситуацию, договориться, что делать, и распределить поручения. Целый день до позднего вечера несколько человек обследовали все места, где, по предположениям, мог находиться Женька. Нанесли визит в милицию – за прошедшие два дня трупов в ближайшей окрестности обнаружено не было, вытрезвитель пустой, дорожных происшествий не случилось. Как видите, благословенное было время! Можно было радоваться, но Женьку-то найти не удалось!

На следующий день после беспокойной ночи Андрей с утра пришёл на работу. Не успел дойти до своей комнаты, как мимо него пронёсся пропавший Женька напрямик в комнату техников, и оттуда слышен его громкий, почти восторженный вопль:

– Мужики, где вы такую забористую штуку нашли?! Представляете, два дня дрых без просыпу! Ух, хороша, зараза!

У Андрея будто камень с души свалился. Слава богу, Женька нашёлся, живой и здоровый. Но теперь надо было разобраться, что же на самом деле произошло. Начал он аккуратно всех, кто, как ему казалось, мог иметь к этому отношение, допытывать, но без особого успеха, пока не взялся за Лёву Фёдорова. Андрей знал, что он не врёт. Мог чего-то не сказать, умолчать, но явную неправду говорить не будет. В конце концов, в результате его настойчивости Лёва всё и рассказал.

Оказалось, Лев Тимофеевич задумал перенести свой кабинет из одной комнаты в другую, недавно отремонтированную. Руководить операцией по перетаскиванию мебели поручил Лёве Фёдорову, а сам уехал на несколько дней в командировку.

Шкафы, столы, стулья перетаскивали быстро и подступили к тому самому тяжеленному сейфу, в недрах которого, как все знали, таились две, а может, и три банки спирта. Ситуация была соблазнительная, поскольку одна преграда в виде постоянно закрытого кабинета в данный момент отсутствовала. К тому же ни завлаба, ни его зама на работе в эти дни не было.

Мужики сдвинули сейф на середину комнаты и, почесывая затылки, бродили вокруг него, не зная, что предпринять дальше. Наконец кому-то в голову пришла светлая идея – уронить сейф. Банки разобьются, спирт вытечет, надо его быстренько собрать и процедить. Помолчали, обдумывая идею. Кто-то засомневался:

- А не рухнет пол, когда мы эту машину уроним? Всё-таки мы на втором этаже.

Ответ никто не знал, и снова все заходили кругами. Наконец Лёва решился:

- А, была не была. Сдвигаем к стенке, там опоры ближе, и роняем.

От грохота рухнувшего сейфа из комнат повыскакивали все, кто был в это время на работе, но бетонные перекрытия устояли, и всё произошло так, как и было задумано: банки разбились, спирт вытек. К сожалению, лужа спирта оказалась накрытой рухнувшим сейфом.

Лежащий сейф не удалось быстро сдвинуть в сторону, пришлось звать на помощь. Пол был покрыт линолеумом: когда удалось собрать спирт, то даже после тщательного двой-

ного процеживания раствор оказался желтовато-буроватым за счёт частично растворившегося линолеума.

Сейф оттащили на новое место, на пятно, оставшееся от разлившегося спирта, поставили слесарный верстак и столпились вокруг посуды, хмуро разглядывая образовавшееся то ли возможное питьё, то ли отраву. Наконец кто-то нерешительно предложил:

– Может, Женьку Кущенко позвать. У него желудок гвозди переваривает.

– А что, – воодушевился народ, – ему и не такое приходилось пить.

– А помните, как в нашем закрытом городе появилось трое негров? Милиция прямо переполошилась, а потом оказалось, что эти чудики морилку употребили. Может, и здесь так же, появится небольшой загарчик, прямо как с курорта человек.

– Не, мужики, – Лёва Федоров решительно махнул рукой. – Нехорошо человека обманывать. Надо ему всё сказать, и пусть сам решает.

Позвали Женьку. Не вдаваясь в подробности, сказали, что достали спирт, вот только что-то ещё там намешано, и все сомневаются, можно ли его пить. Женька понюхал, спросил:

– Провели?

– Два раза, через слой ваты.

– Ну, неси стакан. И воду не забудь.

Налили граммов сто пятьдесят. Женька выпил, крикнул, запил водичкой, кто-то сунул ему кусок хлеба и огурец. Андрей не был уверен, что на этом всё закончилось, но его уверяли, что больше не пили. Трудно было поверить, что Женька мог на этом остановиться. Но через полчаса рабочий день подошёл к концу, и все пошли по домам.

К счастью, это происшествие закончилось без последствий для Женьки, ну и для всех остальных участников тоже. Оставшийся раствор Андрей заставил вылить, и, когда Лёва выливал его в раковину, все печально смотрели, будто родственника в последний путь провожая.

Лев Тимофеевич удивился, как это могли такую громадину уронить, открыл сейф, увидел, что одна банка целенькая, поохал, выкидывая осколки стекла от разбившихся банок, и на этом всё закончилось. Посвящать его во все подробности происшедших событий никто не стал.

Прошло довольно много времени. Обстановка в лаборатории оставалась всё такой же, всё так же стоял НЗ у Льва Тимофеевича в сейфе. Народ мотался по экспедициям, по командировкам, писал отчёты, статьи, заявки, рацпредложения, создавал и осваивал новую технику. Жизнь размеренно плыла, втиснутая в ложе планов, инструкций, приказов, распоряжений.

Иногда кто-нибудь выскакивал из этого потока, на небольшое время погружаясь в тёплое море отпуска, но быстро возвращался – кто с сожалением, кто с удовольствием – в их небольшую деловую речушку, скорее – даже ручеёк, к которому каждый привык, поэтому, несмотря на множество ограничений и запретов, каждый чувствовал себя свободно и защищённо.

Однажды из такого же отпуска возвратился и Андрей, но не успел ещё даже коснуться лабораторного потока, чтобы наскоро ознакомиться со всем, что здесь произошло за это время, как его вызвал Лев Тимофеевич. Был он весь какой-то взъерошенный. В кабинете у него сидел начальник первого отдела института Пётр Степанович Силуянов. Судя по их виду, Андрей понял, что произошло нечто экстраординарное.

– Ну, что, из отпуска? – улыбувшись, дружелюбно спросил Силуянов.

Андрей молча кивнул головой.

– И как отдохнул? – Пётр Степанович со всеми был на «ты». Он всегда играл роль своего парня, которому можно во всём доверять. Скорее всего, их этому хорошо обучали.

– Да чего там отпуска, я на недельку к родителям смотался, своего ребятёнка им подкинул.

– А ключ от кабинета с собой брал?

– Ну, зачем? Дома оставил.

– А жена дома оставалась?

– Нет, мы вместе ездили, она там ещё на неделю осталась.

– И где теперь ключ?

– У меня, – Андрей вынул ключ из кармана и положил на стол.

Пётр Степанович взял его, внимательно осмотрел, взял такой же ключ, по-видимому, Льва Тимофеевича, сравнил их.

– А что случилось? – не выдержал Андрей.

– Понимаете, ко мне в кабинет залезли, – Лев Тимофеевич явно чувствовал себя неловко от устроенного Петром Степановичем допроса.

– И что-то украли?

– Главное – сейф вскрыли, ну и спирт забрали. Но бумаги все на месте.

– Главное – у тебя там закрытый документ хранился, – Пётр Степанович сурово поджал губы.

– Но он же цел.

– Цел-то цел, а что с ним происходило – неизвестно. А вдруг что-то где-то всплывёт? Вот и думай, что делать, – Пётр Степанович недовольно пожал плечами.

Затем помолчал и после некоторой паузы обратился к Андрею:

– Слушай, но тебе придётся поработать. Надо порасспросить всех ваших кадров, может, кто-нибудь что-то заметил.

Андрей невольно встал:

– Но я ведь не следователь, никогда такими делами не занимался. Ну и вообще, это вроде по вашей части.

Лев Тимофеевич даже подскочил:

– Ну, вы полегче, полегче. Это же у нас в лаборатории пропало.

Пётр Степанович как бы нехотя снисходительно взглянул на Андрея:

– Да ты не кипятись. Если до нашего ведомства дойдёт, то нам тут всем не поздоровится. И мне, конечно, но в первую очередь вам. Неизвестно, кто получил свободный доступ к закрытому документу, – это вам не шуточки. А администрация лаборатории отвечает за всё, что у вас внутри происходит. Ладно, посмотри лучше, какую визитную карточку этот тип оставил, – и он протянул Андрею клочок измятой бумажки.

На бумажке большими печатными латинскими буквами было написано – FANTOMAS, но последняя буква была повернута на сто восемьдесят градусов относительно вертикали. То ли специально сделано, то ли действительно человек не знал, как правильно писать, – пойдя разберись.

– Кто у вас любитель фильмов про Фантомаса?

– Их же все по десять раз смотрят. Тем более, что все новые серии появляются, а под это дело и старые снова повторяют.

Ещё некоторое время посидели, помусолили кое-какие подробности и разошлись в полной неопределённости, что предпринять дальше.

В лаборатории уже все знали о происшествии. Удивительно, как такого рода информация совершенно необъяснимым образом становится чрезвычайно быстро известной окружающим. Иногда кажется, что о ней все знают ещё до самого события.

Конечно, квалифицированный следователь, наверное, раскопал бы, какие следы происшествия выплыли наружу из-за плотно закрытой двери, какие слова произносились по телефону в утреннем разговоре Льва Тимофеевича и Петра Степановича, что было написано на их физиономиях при встрече, – да мало ли какие признаки может заметить наблюдательный человек и сделать правильные выводы.

Самое интересное, что таких наблюдательных людей очень даже немало вокруг, но они незаметны и большинству неизвестны, никто из них не претендует на авторство, не борется за приоритет, так что кажется, будто такая информация возникает прямо в окружающем воздухе.

Время шло, происшествие в кабинете завлаба потихоньку стало забываться. Лев Тимофеевич сдал документ в первый отдел, восстановил свои запасы спирта. Жизнь в лаборатории снова покатила по накатанной колее.

Пётр Степанович, подержав длительную паузу, по-видимому, решил, что всё обойдётся без последствий, и Андрея больше по этому поводу не тербил, чему тот был только рад. У него были некоторые соображения, но настолько хлипкие и не подкреплённые фактическими доказательствами, что он предпочёл держать их при себе.

Практически с момента образования лаборатории материально ответственной (а проще – кладовщицей) была Вера, пришедшая сразу после школы, очень исполнительная и трудолюбивая, но не имеющая никакого практического опыта, поэтому с ней часто происходили различные казусы. Приходит к ней как-то тот же Лёва Фёдоров:

– Вера, мне надо двадцать листов фотобумаги, – и ушёл по своим делам, чтобы вернуться минут через пять, когда Вера в своих шкафах отыщет фотобумагу.

Приходит Лёва и почти в ужасе кричит:

– Вера, ты что делаешь?

Оказывается, у Веры пачек по двадцать листов бумаги не было, и она взяла пачку в сорок листов, открыла её, вытащила из чёрной упаковки фотобумагу на свет и сидит, отсчитывает двадцать листов. Ну, конечно, на свету светочувствительная бумага вскоре потемнела и пришла в негодность.

С развитием лаборатории, увеличением численности и количества работ появилась необходимость во втором материально ответственном. Им стал Виталий Лещик – недавно пришедший в лабораторию высокий тощий парень. В его ведении были, в основном, разные приборы, но недавно ему передали и спирт, так как количество получаемого спирта увеличилось, посуду со спиртом таскать со склада Вере стало тяжело. Виталий был почти единственным, при котором Лев Тимофеевич часто открывал свой сейф, доставая или убирая спирт. Иногда Лев Тимофеевич на две-три минуты выходил, оставляя всё открытым. В принципе Виталий мог за это время сделать слепки с ключей. Но, конечно, «мог» ещё не значит «сделал».

Андрей с ребятами часто обсуждали в своём маленьком коллективе это происшествие, а когда всё успокоилось, Бекетов философски заметил:

– То, что воровство спирта так и осталось не раскрытым, может быть, и к лучшему. Кто знает, каким боком это бы у нас вылезло, к каким изменениям в жизни лаборатории привело, но вряд ли её улучшило бы.

Алексеев согласно кивнул головой:

– Я тоже думаю, что расследование ни к чему хорошему не приведёт.

Остальные молча с этим согласились.

Маньяна

Ночью Андрей потерял сознание. Под утро проснулся, пошёл в туалет. Внезапно горячая душная волна поднялась снизу, охватила грудь, голову, в глазах потемнело, он отключился и упал. Наверное, с шумом, а может, и с грохотом, потому что жена Вера вскочила, зажгла свет, увидела Андрея лежащим на полу и с трудом втащила его на кровать: благо, что кровать у них низенькая. Хорошая кровать, болгарская, правда, узенькая, полуторка, но они с Верой помещаются. Даже лучше, что узкая, можно потеснее прижаться друг к другу. После долгих поисков им удалось вместе с такой же, как они, голытьбой распотрошить по частям на двоих болгарский гарнитур. Теперь у них, кроме кровати, есть зеркало и даже пуфик перед зеркалом.

Заболел Андрей накануне вечером. Весь день прокрутился на работе, готовясь к командировке, да еще какой – на Кубу! Практически всё сделал, но решил, что завтра ещё раз всё успеет проверить, потому что самолёт у них только вечером. И вот часа через два после прихода домой у него стремительно поползла вверх температура. Он всегда болел с высокой температурой, в отличие от жены, у которой и до тридцати восьми температура почти никогда не поднималась.

И теперь жена сидела и потихоньку плакала, не зная, что делать. Сунула Андрею подмышку термометр, он почти мгновенно показал под сорок градусов. Слезы у неё снова сами произвольно закапали. Так она досидела до утра, когда уже пора было собираться на работу. Андрей пошевелился и проснулся. Вера посмотрела на него:

– Слушай, может, врача вызвать? Смотри, ты весь горишь и мокрый от пота. И что мне на работе сказать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.